

УДК 314.74+325.14+327

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА ПОСЛЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2022 г.

Д. А. Кунгурцев

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
наб. реки Мойки, 48, 191186, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
mail@herzen.spb.ru*

Данная статья представляет собой сравнительный анализ региональной миграционной политики в странах Европейского союза в период миграционного кризиса 2022 г. В статье исследуются причины кризиса, проводится анализ количественных показателей, определяющих кризисные факторы и последствия на территории Европы. Кроме того, выявляются основные проблемы, связанные с различием интеграции украинских беженцев и беженцев из стран Африки и Азии. На данной базе автор представляет обзор основных мер по урегулированию кризиса, принятых правительствами большинства стран-членов ЕС, включая изменения в законодательстве, интеграционные программы и реформы системы приема беженцев. Оценивается эффективность общеевропейских практических мер.

Ключевые слова: миграционный кризис; Европейский союз; региональная миграционная политика; иммиграция; статус беженца; интеграция.

PECULIARITIES OF REGIONAL MIGRATION POLICY IN THE EUROPEAN UNION COUNTRIES AFTER THE MIGRATION CRISIS IN 2022

D. A. Kungurtsev

*Russian state pedagogical university of A. I. Herzen, emb. of the Moika River, 48, 191186,
St. Petersburg, Russian Federation, mail@herzen.spb.ru*

This article is a comparative analysis of regional migration policies in the European Union countries during the migration crisis of 2022. The article explores the causes of this crisis, analyzes its quantitative indicators, determining crisis factors and consequences on the territory of Europe. In addition, the article identifies the main problems related to the difference in integration of Ukrainian refugees and refugees from African and Asian countries. On this basis, the author provides an overview of the main crisis management measures taken by the governments of most EU member states, including legislative changes, integration programs and reforms of the refugee reception system. The effectiveness of pan-European practices is assessed and their migration management policies are compared.

Keywords: migration crisis; European Union; regional migration policy; immigration; refugee status; integration.

Миграционный кризис 2022 г. стал одним из наиболее серьезных вызовов для Европейского союза и самым масштабным после кризиса 2015 г. Тысячи мигрантов и беженцев искали убежище в Европе, надеясь на лучшие экономические возможности и безопасность, а миграционная волна потребовала срочных мер и реакции со стороны государств-членов Евросоюза и международного сообщества.

Одной из отличительных черт данного миграционного кризиса является слияние нескольких миграционных потоков в один: сохраняющийся поток беженцев из стран Центральной Азии, Северной Африки и Ближнего Востока, так же колоссальный поток из Украины, вызванный началом проведения специальной военной операции Россией на территории Украины.

Однако, несмотря на большое количество украинских беженцев, они в большинстве случаев не учитывались в данных о лицах, ищущих убежища в Европе, поскольку Совет Европейского союза на заседании в Брюсселе 4 марта 2022 г. проголосовал за применение «Директивы о временной защите» для украинских беженцев. Данная Директива была принята в 2001 г. в рамках миграционного кризиса, связанного с войнами в Югославии, но ни разу не применялась до этого момента. Она подразумевает предоставление особого правового статуса беженцев из стран, не входящих в ЕС, и применяется во избежание перегрузки системы предоставления убежища. Так, всем украинским гражданам предоставлялся статус беженца сразу же после въезда на территорию страны-члена ЕС, из-за чего отпадала необходимость подачи заявления о предоставлении убежища [1].

Вооруженные конфликты времен «Арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке не спешили угасать: продолжались гражданские войны в Сирии, Ливии. Также в 2021 г. к власти в Афганистане пришел «Талибан». Поэтому статистически в 2022 г. сохранялись тенденции кризиса 2015 г. — большинство зарегистрированных просителей убежища по данным Евростата оставалось, по сути, прежним [2]. Выявлены высокие доли беженцев из таких стран как Сирия (14 %) и Афганистан (13 %), а также Турция (6 %), что связано с ухудшением политической и экономической ситуации в стране: ростом инфляции, нищеты и ограничением свободы слова на фоне начала президентской гонки (рис. 1).

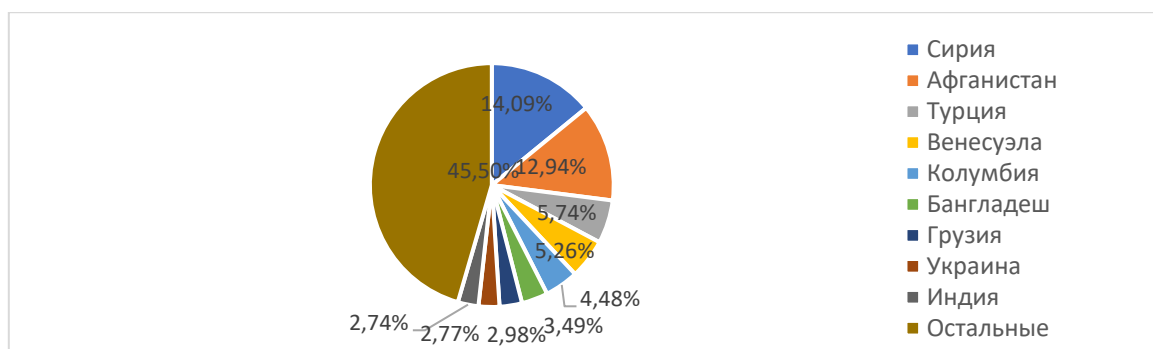

Рис. 1. Доля беженцев в 2022 г. в ЕС. Всего 965 665 чел.

Де-факто, количество беженцев в 2022 г. исчисляется миллионами (около 6 млн.), большинство составляют украинцы. Однако, их число может различаться в разных источниках, так, официальные данные разнятся с фактическим положением дел. Это связано с действием уже упомянутой «Директивы о временной защите». Так, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 6 декабря 2022 г. в ЕС въехало почти 4,5 млн. украинцев [3]. Из них более 1,5 млн. приняла Польша, так же большое количество беженцев приняла Германия (более 1 млн.). Выделилась и Чехия, приняв 468 тыс. человек (рис. 2).

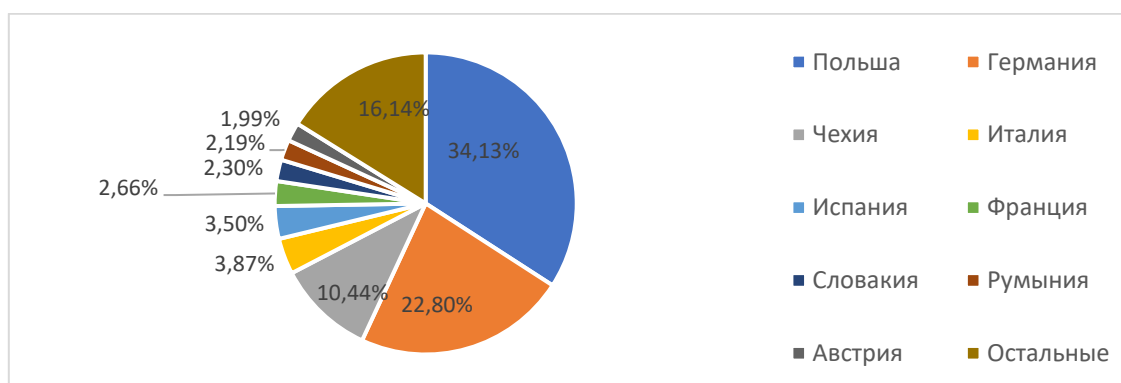

Рис. 2. Доля украинских беженцев в 2022 г. по странам ЕС. Всего 4 481 563 чел.

Представленные данные подтверждают тот факт, что организация приема украинских беженцев в сравнении с механизмом приема беженцев из других стран оказалась намного качественнее в условиях разницы численности мигрантов.

Стоит также отметить, что особенностью данного миграционного кризиса стало и то, что в отличие от предыдущих миграционных волн, большинством из числа беженцев в ЕС являлись женщины и дети [2]. Так, в половозрастной структуре преобладают дети (0-14) обоих полов, а также женщины (от 0-14 до 35-64), что связано с ограничением на выезд из

Украины лиц мужского пола призывного возраста от 18 до 60 лет в связи с всеобщей мобилизацией (рис. 3).

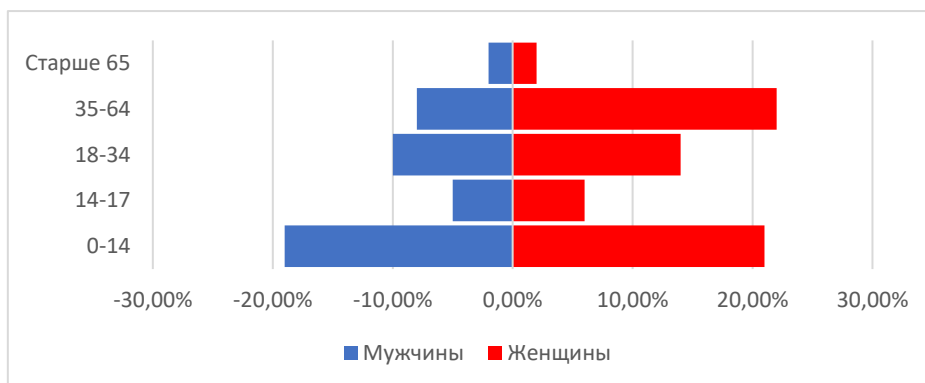

Рис. 3. Половозрастная пирамида беженцев в ЕС, 2022 г.

Данные показатели стали в целом благоприятны для Европы, поскольку украинцы, а особенно женщины и дети, оказались намного более интегрируемые, чем мигранты из стран Африки и Азии, так как жизненные ценности и традиции украинцев намного ближе общеевропейским. По этой же причине большую часть украинских беженцев приняли страны Восточной Европы (Польша, Чехия), занимающие протекционистскую роль в миграционной политике и ранее уклонявшиеся от приема беженцев, за что на первом же саммите стран-членов ЕС, посвященном Украине, президент Франции Э. Макрон осудил правительства этих стран за проявление «меньшей солидарности» в 2015 г., а также за дискриминацию мигрантов из одних регионов и приветствование беженцев из других [2].

Однако, в целом по ЕС количество беженцев из стран Африки и Азии продолжало расти с 2015 г., росла т. н. «критическая масса мигрантов». Об этом говорят данные Total Fertility Rate: средний уровень фертильности мусульман в Европе равняется 2,3 ребенка на женщину, в то время как уровень фертильности немусульман равняется 1,5 ребенка на женщину, что говорит о сохранении роста иммигрантского населения из стран Азии и Африки в Европе [6].

Также показательным является тот факт, что мигранты, исповедующие ислам, сохраняют характерные для них ценности и традиции не только в 1-м и 2-м поколениях, но и в 3-м, поскольку для них религия имеет большое значение в определении собственной идентичности. А так как большинство стран ЕС в плане миграционной политики отдавали предпочтение мультикультурализму, дети беженцев «усвоили» черты нетолерантного отношения как к представителям других религий, так и к либеральным ценностям западного мира в рамках учения «дар-аль-ислам». Дети мигрантов 2015 г. и новоприбывшие не желали учить язык и

работать, предпочитая жить на пособия, компактно расселяясь в городах и регионах. Так, бюджеты муниципалитетов и магистратов, на которые во многих странах ЕС возлагаются основные расходы на содержание мигрантов, слабо пополнялись налоговыми отчислениями из-за низкоквалифицированного иммигрантского населения, из-за чего они были вынуждены сокращать расходы на социальное обеспечение, что приводило к оттоку коренного населения и геттоизации определенных районов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Соответственно одна из главных проблем прошедшего кризиса в ЕС в целом оказалась по-прежнему нерешенной и прогрессировала.

Можно сделать выводы. Во-первых, организация приема украинских беженцев оказалась осуществлена странами ЕС качественнее, чем прием сирийских беженцев в 2015 г., что произошло благодаря своевременной подготовке и либерализации легальных способов получения убежища для беженцев из страны со смежной культурой. Так, главными реципиентами беженцев в 2022 г. оказались страны Восточной Европы, находящиеся в непосредственной близости или граничащие с Украиной.

Во-вторых, проблема «Механизма солидарности» и равномерного распределения беженцев осталась нерешенной. Решив перехитрить Брюссель с политикой квотирования, Польша, Чехия и Словакия, приняв огромное число «удобных» украинских беженцев и задействовав максимальные силы своей инфраструктуры, стали сами требовать распределения беженцев и масштабного финансирования от европейских фондов. Из-за чего в ЕС прошла новая волна недовольства и роста евроскептицизма, нанеся урон как самому союзу, так и Шенгенской зоне.

В-третьих, сохранилась проблема интеграции беженцев-мусульман в европейское общество. Так, отказ многих стран Европы в 2015 г. от ассимиляции и сохранение политики мультикультурализма привели к накоплению «критической массы» мигрантов, и, как следствие, к росту самосегрегации беженцев, геттоизации городов, преступности и ксенофобии.

Библиографические ссылки

1. *Потемкина О. Ю.* Украинские бегенцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2. С. 7-15.
2. Asylum applicants by type, citizenship, age and sex. EUROSTAT. (https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_asyappctza/default/table?lang=en)
3. Refugees fleeing Ukraine (since 24 February 2022). (<https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine>)
4. *Арбатова Н. К.* Миграционная угроза безопасности ЕС: предрассудки и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 2. сс. 61-70.

5. *Гаджимурадова Г. И.* Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии) // Исламоведение. 2019. № 2. С. 5-21.

6. *Ведерников М. В.* Опыт Чехии по преодолению миграционного кризиса 2022 г. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 32-41.

7. . *Шумилов М. М., Шмидт О. И.* Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) // Управленческое консультирование. 2023. № 8. С. 9-3.